9(И)
К955

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

О. В. Куусинен

Революция в Финляндии

(САМОКРИТИКА)

Издательство Коммунистического Интернационала
Петроград, Смольный, 32.

1919

ПР. 1935

NLRK 00201164

Отдел национальной и краеведческой литературы

1153019

FIP

9(И)
К 955

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

940
К-95

В. О. Куусинен

Революция в Финляндии

(САМОКРИТИКА)

Никольская ... библиотека

1153019 ср.

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
:: :: ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ [illegible] № XX — 1919 :: :: ::

Государственная
публичная библиотека
КАССР

1998

17-ая Гос. Тип. Петербург. 7-ая рота, д. 26.

I. ТАКТИКА УКЛОНЕНИЯ ОТ РЕВОЛЮЦИИ.

Пролетарские революции, говорит Маркс, постоянно критикуют сами себя. Мы революционеры можем вполне сознательно помочь этой самокритике революции. зная, конечно, что это ни на иоту не уменьшит нашей исторической ответственности за нашу прошлую деятельность.

Революция в Финляндии разразилась в январе 1918 года, но начало основным ошибкам ее было положено еще за год до того.

Подобно тому как об'явление войны застало врасплох большинство социалдемократических партий крупных стран Европы, обнаружив, что партии эти совершенно не доросли до своей исторической миссии, точно так же застала финляндскую социалдемократию врасплох русская февральская революция 1917 года. Весенняя свобода была для нас каким то даром небес, и наша партия от неожиданности совершенно растерялась. Оффициальная программа партии предписывала нам ту же тактику „самостоятельной классовой борьбы“, которой до войны придерживалась и германская социалдемократия. Во времена реакции не трудно было проводить эту тактику, и она не встречала внутри партии серьезного сопротивления: оппозиция явных правых социалистов была слишком слаба и ничтожна. Но в марте партия стала перед серьез-

ным испытанием прочности ее пролетарской позиции, и за искушением последовало падение: финляндская социалдемократия вступила в позорное сожительство с финской, вначале также и с русской буржуазией (роль сводников сыграли при этом русские меньшевики, а домом разврата стал финский сенат, коалиционное правительство). Когда в марте месяце образовалось в Финляндии коалиционное правительство, около половины правления партии высказалось против участия в нем, и в состав правительства вошли только правые социалисты. Однако, оппозиция остальных членов нашей партии носила такой пассивный характер, что на деле она нисколько не препятствовала нашему сотрудничеству с правительственными социалистами, которые действовали рука об руку с финской и с русской буржуазией. Весьма характерно то, что на состоявшемся в июне партийном конгрессе (на котором мы, между прочим, присоединились к циммервальдскому течению) не раздалось ни одного голоса с требованием исключения из партии заседавших в коалиционном правительстве социалистов.

Нас совершенно ослепил обманчивый блеск демократического парламентаризма. Если бы у нас не было однопалатной системы, пропорциональных выборов и весьма демократического избирательного права, если бы партия наша в избирательной борьбе не завоевала уже (летом 1916 года) большинства мест в сейме,—мы вряд ли с такой легкостью

поддались бы весенним соблазнам. Но тогда нам казалось, что парламентский демократизм открывает нашему рабочему движению неожиданно широкий и ровный путь к цели. Наша буржуазия не имела в своем распоряжении ни армии, ни даже сколько нибудь надежной полиции; мало того, у нее не было даже возможности добиться законным путем их организации, так как для этого потребовалось бы согласие социалистического большинства сейма. Казалось, таким образом, что у социалдемократии не было ни малейшего основания к тому, чтобы сойти с пути парламентской законности: этот путь, повидимому, обещал ей целый ряд легких побед над буржуазией.

Итак, ясный горизонт демократического парламентаризма наполнял радостью наши сердца; одно лишь темное пятнышко виднелось на этом горизонте: лапа русского временного правительства,—правда, не слишком чувствительная. Финская буржуазия простирала к ней свою руку—подобно тому, как утопающий хватается за соломенку. Социалдемократы по мере сил старались отвести прочь эту лапу или, по крайней мере, ограничить свободу ее вмешательства строгими законными рамками, чтобы воспрепятствовать всяким попыткам русского правительства вмешаться во „внутренние дела“ Финляндии, (т. е. иными словами взять под свою защиту финскую буржуазию). Таким образом, наша энергичная борьба за самостоятельность Фин-

ляндии, наш патриотизм—получали самое прекрасное оправдание: это была ведь непосредственная борьба за демократическую свободу—органическую часть классовой борьбы пролетариата.

Наше ослепление парламентаризмом еще усилилось, благодаря тем законодательным результатам, которых мы в течение лета достигли в сейме. Нами был проведен совершенно исключительный по своей широте и последовательности закон о восьмичасовом рабочем дне, который на деле еще в начале весны был введен рабочими во многих отраслях производства; такой закон вряд ли мог пройти в каком-нибудь другом парламенте. В области демократизации коммунального самоуправления нами также была достигнута реформа, означавшая переход от неограниченного единовластия буржуазии к системе всеобщего избирательного права—прыжок, который до того тоже вряд ли имел место в законодательной практике других стран. Несомненно, конечно, что эти законы обязаны были своим осуществлением не одной только нашей деятельности внутри парламента. Революционное брожение, происходившее за стенами его, в значительной мере помогло протолкнуть их быстрее обычного через парламентские мели. Брожение это проявлялось в массовых демонстрациях, которыми сопровождались почти непрерывно все заседания сейма. Демонстрации, благодаря участию в них русских солдат, протекали очень бурно.

Ничего необычного мы в этом, однако, не видели: мы и прежде всегда исходили из того положения, что парламентаризм дает наилучшие результаты только тогда, когда народ извне оказывает давление на парламент.

Худшим признаком, говорившим далеко не в пользу высокой оценки нашей парламентской деятельности, было то, что спекуляция, господствовавшая в торговле с'естными продуктами, превзошла всякие пределы. Это давало основание думать, что и другие, упомянутые выше, завоевания наши были завоеваниями только на бумаге, ибо закон, ограничивающий спекуляцию с'естными продуктами, был выработан и даже принят сеймом, а на деле, между тем, никакого ограничения спекуляции не произошло. Коалиционное правительство, вообще, само решительно ничего не предпринимало. Оно было подобно упрямому ослу, которого социалисты тянули за уши, буржуазия за хвост, а он и не думал двигаться с места. Такое положение вещей не могло, конечно, удовлетворить народ.

Голодные рабочие массы скоро потеряли всякое доверие к политике коалиционного правительства, а вместе с тем, повидимому, и к тактике нашей социалдемократической партии. В Гельсингфорсе возмущенные рабочие массы потребовали даже выдачи им всех запасов масла для осмотра и распределения между собой. В конце лета в столице Финляндии разразилась стихийная всеобщая забастовка, которая продолжалась два дня и

была прекращена организованными рабочими. Политическая атмосфера достигла такой высоты напряжения, что наш парламентаризм начал уже задыхаться в ней. Тут сказывалась самая сущность демократизма: безграничное обострение классовой борьбы. Мы, социал-демократы, не видели, однако, этой сущности демократизма,—мы видели лишь обманчивый внешний образ его.

Первый толчок этому, ослепившему нас, внешнему образу был дан временным правительством Керенского. Несмотря на отчаянное сопротивление со стороны буржуазного меньшинства, сейм, в соответствии с решением всероссийского с'езда советов раб. и солд. депутатов, принял основной закон о внутренней демократической свободе Финляндии и о праве сейма, как носителя высшей государственной власти, свободно распоряжаться судьбами страны. Из Петербурга приехала даже полуоффициальная меньшевистская делегация (Чхеидзе, Либер, Дан) специально для того, чтобы помешать принятию закона, но она явилась слишком поздно. Затем (в конце июля) русское временное правительство распустило сейм и назначило новые выборы. Социалдемократическая фракция сделала две попытки продолжать заседания разогнанного сейма. В первый раз депутатов не пустили в здание сейма присланные Керенским гусары. Во второй раз дверь оказалась запечатанной печатью временного правительства; тальман сейма, тов. Маннер, приказал открыть дверь,

и заседание состоялось, но при участии одних лишь членов социалдемократической фракции.

Наша партия не уклонилась от участия в новых выборах, состоявшихся в первых числах октября. В результате этих выборов наша партия, несмотря на значительное увеличение общего числа поданных за нее голосов, осталась в меньшинстве, лишившись, таким образом, своего господствующего положения в сейме. Своей победой на выборах буржуазия прежде всего была обязана ряду мошеннических проделок. Немедленно же после выборов в газетах появились разоблачения о том, что в тех избирательных округах, в которых избирательные комиссии целиком состояли из представителей буржуазии, общее число голосов, поданных за буржуазные партии, оказалось больше числа всех избирателей данного округа. Кроме того, позже, во время революции, у многих председателей избирательных комиссий были найдены на дому кучи поданных за социалдемократов и вполне правильно заполненных избирательных бюллетеней. Несколько новых мандатов досталось также буржуазным партиям, благодаря их об'единению в общий блок. Наконец, необходимо, по моему мнению, принять во внимание еще и то, что на результатах выборов сказалось также, по всей вероятности, все увеличивавшееся разочарование пролетарских масс парламентаризмом. Бессилие сейма, безнадежная медленность его работы, практи-

ческая ничтожность достигнутых нами результатов, пассивность коалиционного правительства, сводившая на нет всю деятельность социалдемократов,—все это не могло не отразиться самым неблагоприятным образом на отношении рабочих к выборам, и поэтому их интерес к избирательной кампании далеко не соответствовал напряженности политического момента. Таким образом, очаровавший нас прекрасный образ демократического парламентаризма получил второй удар уже не извне, а, так сказать, изнутри: удар этот был нанесен ему нашей собственной слабостью и недальновидностью.

Между тем, поток исторических событий с неудержимой силой несся вперед. Как и следовало ожидать, буржуазия направила все свои старания к тому, чтобы использовать полученное ею, благодаря выборам, господствующее положение, взяв в свои руки диктаторскую власть и превратив народное представительство в фиговый листок, прикрывающий безобразную наготу ее классовой диктатуры. Рабочий класс потерял теперь всякую надежду на непосредственную помощь со стороны сейма и—отчасти сознательно, отчасти бессознательно — стал стремиться к революции. Коалиционное правительство распалось еще до выборов, и ничто не задерживало уже процесса обострения классовой борьбы.

Вместе с тем, и в Финляндии чувствовалось уже, что в России назревает новая,

более глубокая революция, которая—рано или поздно—непременно должна разразиться. Правительство Керенского дрожало, как осина перед бурей. Власть большевиков росла, как грозовая туча.

Однако, вместо того, чтобы, учитывая требования момента, посвятить все свои силы подготовке революции, наша социал-демократическая партия, сложа руки, продолжала ожидать возобновления заседаний сейма. Блок буржуазных партий провел в начале ноября в сейме указ, по которому высшая власть в делах внутреннего управления должна была принадлежать состоящей из трех членов директории; однако, у блока не хватило смелости осуществить свой собственный указ. Одновременно с его обнародованием представители блока вступили в переговоры с русским временным правительством о полюбовном дележе власти с ним. Назначенный правительством Керенского генерал-губернатор Финляндии Некрасов выехал даже уже в Петербург с тем, чтобы подготовить там выработанный им проект такого разделения власти.

Некрасову, однако, не суждено было вернуться обратно в Гельсингфорс. Как раз в эти дни русский пролетариат, руководимый партией большевиков, свергнул правительство буржуазии и ее пособников и взял бразды правления в свои собственные руки.

И по Финляндии пронеслось тогда дыхание революции; но мы не бросились ему

навстречу с распростертыми крыльями, мы с'ежились, спрятав голову под крыло. Таким образом, ноябрьские (по нов. ст.) дни были для нас не днями борьбы и победы, а днями позорной сдачи без боя.

Тут перед нами встают два вопроса: 1) могла ли тогда революция в Финляндии привести к какой-нибудь победе? и 2) можно ли было расчитывать на такую же полную победу пролетарской революции у нас, как в России? Взвешивая все, что нам теперь известно, мы на первый вопрос можем ответить утвердительно, но на второй вопрос, по нашему мнению, и теперь, как и тогда, может быть дан только отрицательный ответ.

Общее положение вещей было тогда таково, что мысль об успехе революции казалась далеко не безнадежной. Возбуждение пролетариата было очень велико: он рвался в бой. Буржуазия была сравнительно плохо подготовлена, чувствуя недостаток в оружии, хотя она начала уже тогда ввозить оружие из Германии. Правда, и у пролетариата почти не было оружия, если не считать нескольких сотен винтовок, взятых на время у русских воинских частей. Некоторое количество оружия можно было бы, конечно, в случае необходимости, получить от русских товарищей и, что, пожалуй, еще важней, русские товарищи тогда еще могли оказать финляндской революции непосредственную военную помощь, между тем, как позже, зимою, когда развал в русской армии

и во флоте достиг своего высшего пункта, они оказались в этом отношении бессильны. Среди русских солдат в Финляндии были тогда, конечно, и ненадежные элементы, которые, пожалуй, скорей послушались бы команды своих реакционно настроенных офицеров, чем голоса пролетарской солидарности, но в вихре революции они вряд ли могли бы оказать сколько-нибудь значительное активное сопротивление.

Взвешивая все это, мы, социал-демократы, „сторонники классовой борьбы", не переставали колебаться: сначала мы склонялись было к мысли о революции... а затем— совершенно оставили ее. Правые социалисты, составлявшие почти половину нашей партии, разделились на две группы, из которых одна открыто выступала против революции, а другая настаивала на необходимости ее. Большинство социал-демократической фракции сейма с такой нескрываемой враждебностью относилось ко всякой мысли о революционных выступлениях, что его не без основания можно было обвинить в сознательном отстаивании интересов буржуазии. Правые социалисты, стоявшие во главе наших профессиональных союзов, хотели вызвать во всей стране до некоторой степени революционное стачечное движение, единственной целью которого, по их мнению, должно было быть завоевание большинства мест в правительстве, т.-е. в сенате. Правление нашей партии организовало вместе с ними общий „Цен-

тральный Революционный Комитет", который, однако, особенно после того, как в него вошли бывшие с самого начала против революции члены социал-демократической фракции, был более способен к революционной болтовне, чем к истинно-революционной деятельности. Сначала комитет этот решил предложить об'явление всеобщей забастовки. На происходившем как раз в то же время с'езде профессиональных союзов было также решено об'явить по всей Финляндии всеобщую забастовку. Вопрос о характере этой забастовки, о том, должна ли она была быть революционным выступлением или простой демонстрацией для поддержания вполне определенных требований, оставался открытым: мнения по этому вопросу разошлись, и никакого решения принято не было.

Всеобщая забастовка охватила всю страну. Наш „Центральный Революционный Комитет" стал обсуждать вопрос о выступлении. Мы, ошибочно называвшие себя марксистами, были против революционного выступления, а без нас и „революционеры" из центрального союза профессиональных союзов не хотели выступать

Отказываясь вступить на путь революции, мы, социалдемократы центра, были вполне последовательны: отказ этот логически вытекал из тех убеждений, которыми была проникнута вся наша многолетняя деятельность. В самом деле, мы были ведь социалдемократами, а не марксистами. Как социал-

демократы, мы стояли на точке зрения мирной, постепенной, отнюдь не революционной классовой борьбы; вторым руководящим принципом нашей деятельности была самостоятельность классовой борьбы, то-есть отказ от соглашений с буржуазией. Эти два основных положения и определяли всю нашу тактику.

1) Мы не верили в революцию; мы не возлагали на нее никаких надежд и не стремились к ней. В этом отношении мы были типичными социалдемократами.

Социалдемократия, по самому существу своему, является носительницей того рабочего движения, которое организует и воспитывает рабочий класс для законной (парламентской) классовой борьбы в пределах буржуазного строя. Правда, социализм назван конечной целью движения в ее программе, им до известной степени окрашены также требования подлежащей непосредственному осуществлению „программы-минимум“, но тем не менее эти фразы о социализме приходится все-таки признать лишь утопическим украшением программы, ибо было бы нелепо верить в возможность осуществления социализма при буржуазном государственном строе, к рамкам которого приспособлена вся практическая деятельность социалдемократии. Исторически неизбежный путь, ведущий от буржуазного государства к социалистическому обществу, путь вооруженного восстания и диктатуры пролетариата, лежит за пределами сознательной

практической работы социалдемократов, он начинается там, где кончается их настоящая деятельность.

Последовательные социалдемократы относятся обыкновенно к революции так же пассивно, как добросовестный историк, описывающий революции прежних времен. „Революции происходят сами собой, их не делают“,—вот любимое утверждение социалдемократов, которое, по их мнению, освобождает их от обязанности содействовать наступлению революции. Мало того, по своему характеру, социалдемократическая партия готова скорее препятствовать наступлению революции (и действительно, она не раз препятствовала об'явлению всеобщей забастовки и в самом начале останавливала развитие других массовых движений более или менее революционного характера). С точки зрения истинной цели социалдемократического движения такое отношение к революции вполне понятно: революция может помешать достижению этой цели, она может даже иметь своим последствием полное прекращение деятельности социалдемократов, ибо при революции никто не может с полной уверенностью сказать, какова будет судьба первой попытки движения: увенчается ли она успехом или потерпит поражение; во время революции могут погибнуть все плоды организаторской и политической деятельности социалдемократии: ее организации, рабочие дома, библиотеки, органы печати, реформы, демократические

учреждения и права. А между тем, именно на всем этом и зиждится вся работа социалдемократической партии, без этих организаций, учреждений и прав, которые мало по малу стали самоцелью для социалдемократов, невозможно было бы продолжение их буржуазно-законной деятельности. Поэтому, социалдемократия всегда так трогательно и заботилась об их существовании, ревниво оберегая их от всех опасностей, между прочим и от опасностей пролетарской революции.

Правда, оффициальное учение социалдемократии, ссылаясь на Маркса, утверждает, что эти практические результаты организаторской деятельности партии, главным образом ценны потому, что они будут способствовать развитию и успеху пролетарской революции, и действительно, вряд ли может быть сомнение в том, что они, в конце концов, сыграют известную роль в этом отношении; но это произойдет, по всей вероятности, не благодаря стараниям социалдемократов, а несмотря на все их старания. (Так и милитаризм, например, в буржуазном государстве оказывается весьма важным фактором, служащим на пользу пролетарской революции, хотя назначение его, конечно, диаметрально противоположно этому). Еслибы социалдемократия всегда могла руководить по своей воле рабочими массами, то рабочий класс едва ли когда-нибудь решился бы на такое опасное предприятие, как революция, и едва ли хоть на шаг приблизился бы к цели своего

Государственная публичная библиотека КАССР

движения, к социализму. Только провокаторское вооруженное нападение со стороны буржуазии могло бы принудить рабочих к революционному выступлению; только в случае такого нападения последовательная социал-демократия (насколько она оказалась бы последовательной, — это другой вопрос) решилась бы, подобно тому, как мы сделали это в конце января, поднять знамя революции, выступив на защиту завоеваний своей прежней буржуазно-законной классовой борьбы и отстаивая свои права на продолжение этой мирной, законной деятельности.

В ноябре, однако, мы решили уклониться от революци, отчасти потому, что не желали подвергать опасности наши демократические завоевания, отчасти также и потому, что мы надеялись путем искусных парламентских маневров обойти водоворот истории; наконец, решение это отчасти было продиктовано и фаталистическим убеждением в том, что если революция должна произойти, то рано или поздно она произойдет, несмотря на все наше сопротивление, и тогда зрелость ее будет несомненна...

Каковы же были последствия нашей исторической ошибки? Удалось ли нам избежать вооруженного столкновения? Нет, не удалось, Оно было лишь отложено и произошло тогда, когда буржуазия была гораздо лучше подготовлена к нему, чем в ноябре. Буржуазия всегда может в любой момент провоцировать рабочих на вооруженное столкновение. В

этом то и заключается главная опасность для рабочего класса, что буржуазия может, по собственному желанию, определить момент начала гражданской войны. Когда рабочий класс первый начинает наступление, буржуазия оказывается не везде одинаково подготовленной, революция в большей или меньшей степени захватывает ее врасплох. Начатая рабочими революция может, особенно там, где многие годы реакции пропитали недовольством широкие массы населения, непосредственно увлечь за собой враждебные правительству средние слои или, по крайней мере, внести смятение и слабость в ряды защитников правительственной власти. В такие моменты, когда (как напр., теперь, во время войны) пролетарские массы оказываются вооруженными, особенно важно вырвать из рук правительства всякую возможность инициативы в классовой войне, ибо втечение сравнительно короткого времени правительство может разоружить широкие массы, арестовать деятелей революции, распределить свои надежные войска наиболее целесообразным образом для нападения и обороны против „внутреннего врага“ и вообще подготовить все свои силы для активного и пассивного сопротивления революции. Кроме того, несомненно также, что правительство, по собственной инициативе начинающее классовую борьбу, заранее позаботится о создании благоприятного для себя международного положения, обеспечив себе на случай крайней

нужды помощь из за границы и обезопасив себя от неожиданностей враждебного вмешательства. В ноябре финская буржуазия не могла бы получить от германского правительства такую значительную помощь, как позже, зимой, когда освободились германские войска на русском фронте. Надо заметить, конечно, что предвидеть все это в ноябре и даже в январе было очень трудно.

2) Мы, социалдемократы центра — в противоположность обеим группам правых социалистов — не хотели вступать ни в какие правительственные соглашения с буржуазными „демократами“, а между тем соглашение с ними было необходимо для осуществления той цели, к которой стремились те из правых социалистов, которые были сторонниками революции. Цель эта состояла в создании такого демократического правительства, в котором по крайней мере, значительное большинство мест принадлежало бы социалистам и которое выставило бы в своей программе ограничение спекуляции продовольственными продуктами и проведение парламентским путем различных демократических реформ. В этот „красный сенат“, который должен был явиться плодом революции, по мнению правых социалистов, для усиления его непременно должны войти несколько членов так называемого „аграрного союза“. С фракцией этого союза, а также, по всей вероятности, и с другими „прогрессивными“ депутатами и вступили поэтому в переговоры правые социалисты и

представители социалдемократической фракции сейма, а „товарищ“ Токой предпринял даже среди служащих сената опрос о том, согласятся ли они продолжать службу и при новом „красном“ сенате. Таким образом, все революционные стремления наших „революционных“ социалистов сводились к воскрешению существовавшего у нас весной коалиционного сената; только форма его на этот раз должна была быть несколько усовершенствована посредством создания социалистического большинства и удаления наиболее реакционных элементов.

Образование такого коалиционного правительства, по всей вероятности, и было бы единственным результатом победоносной революции в ноябре. Достигнуть большего финское рабочее движение в то время было не в состоянии. Часть организованных рабочих безусловно не удовлетворилась бы этим и потребовала бы дальнейших шагов в направлении к социализму, но требования эти неизбежно наткнулись бы на сопротивление большинства, довольного достижением непосредственной цели революции, и при поддержке этого большинства коалиционное правительство без всякого труда заглушило бы голос революционно настроенной части пролетариата и подавило бы их стремления к революционной диктатуре рабочего класса. Достигнуть своей цели, по крайней мере, в самом существенном, большинство тогда, наверное, могло бы. Во всяком случае, те-

перь, когда мы можем спокойно и беспристрастно взвесить все события, возможность эта представляется более вероятной, чем тогда. Судя по всему, финской буржуазии пришлось бы тогда, хоть на время, капитулировать перед революцией и сделать кое-какие уступки, для того, чтобы сохранить в неприкосновенности свои основные интересы, которым, впрочем, революционное движение правых социалистов нисколько не угрожало. Ноябрьская революция в Финляндии вылилась бы, по всей вероятности, в форму чисто буржуазной демократической революции. В рядах организованных рабочих она, вероятно, вызвала бы полный раскол: правая часть рабочего класса выступила бы вместе с буржуазией на „защиту общественного порядка", а левая часть открыто перешла бы на сторону истинного социализма или коммунизма и повела бы ожесточенную борьбу против буржуазного государства и всех его прямых и косвенных защитников.

Приблизительно так, хотя еще и не вполне ясно, мы, так называемые „социалдемократы-марксисты", и представляли себе во время ноябрьской всеобщей забастовки тот непосредственный результат, к которому в лучшем случае могла тогда привести революция. И именно поэтому мы в правлении партии были против вступления на путь революции, исходя, кроме всего прочего, из следующих двух весьма важных мотивов: 1) мы не хотели толкнуть правых социалистов на союз с бур-

жуазией и 2) не хотели вызвать раскол в рабочем движении, который разделил бы рабочий класс на два враждебных друг другу лагеря. И здесь мы снова действовали, как типичные социалдемократы, а не как марксисты. В самом деле мы только задерживали ход историческогс развития. препятствуя расколу рабочего движения, расколу, для которого все об'ективные условия уже созрели и который был необходим для того, чтобы рабочее движение сошло с мертвой точки и приняло сознательный революционный характер. При искусственной одновременной поддержке двух диаметрально противоположных течений рабочее движение было осуждено на полную бесплодность. Раскол, конечно, мог принести вред нашей социал-демократической деятельности, подорвав непосредственное влияние парламентской фракции (и профессиональных союзов): он мог бы, разумеется, неблагоприятно отразиться на наших избирательных победах; но делу рабочего класса, развитию рабочего движения и усилению классовой борьбы он принес бы несомненную пользу. Будучи вполне естественным результатом исторического развития, раскол этот очистил бы истинно рабочий фронт от всех тех элементов, которые только мешали делу борьбы и затемняли ясное сознание масс; открыто перейдя на сторону буржуазии, эти элементы приносили бы революционной классовой борьбе рабочих гораздо меньший вред, чем оставаясь в их среде.

Мы сами, конечно, сколько бы мы ни старались, не могли бы продиктовать революции окончательный результат по нашему собственному желанию. Результат этот был бы продиктован историей. Но мы обязаны были принять бой и постараться довести его до конца, оказав активную поддержку историческому развитию. Ведь и история может совершать свою работу лишь руками решительных борцов. И еслибы даже оказалось, что тогда еще не настало время для полного ледохода на исторической реке классовой борьбы в Финляндии и революционная вспышка закончилась бы только буржуазно-демократическим переворотом, подобно тому как на реке первый ледоход зачастую заканчивается лишь тем, что глыбы треснувшего льда нагромождаются друг на друга,— то и тогда эта вспышка всетаки была бы шагом вперед: она ослабила бы силу сопротивления ледяного покрова и позволила бы рвущемуся к свободе потоку сосредоточить свои усилия в нескольких отдельных точках нагромождения ледяных глыб, которым рано или поздно пришлось бы уступить его мощному напору. Такова обыкновенно и бывает самая естественная и самая быстрая смена фаз ледохода. Именно так развивались события и в России. Этот путь развития вообще наиболее благоприятен для революции: при нем сопротивляющееся буржуазное государство лишается в решительный момент возможности использовать весьма значительную

часть своих сил. Если же вся ровная толща льда остается нетронутой до самого последнего момента, то ледоход обыкновенно наступает поздно и протекает очень мучительно.

Мы предотвратили первую вспышку революции, дав сигнал к прекращению всеобщей забастовки через неделю после ее начала и постановив передать вопрос о революции на рассмотрение партийного с'езда! Эти решения вызвали в рабочих массах общее неудовольствие и даже негодование; правда, это негодование не вылилось в форму открытого бунта против партии, но роковые последствия его, по существу, может быть, гораздо более вредные, сказались на всем дальнейшем развитии классовой борьбы. Оно в корне подорвало доверие масс к руководителям движения, и когда эти руководители впоследствии старались в массах раздуть пламя возмущения, для того, чтобы дать достойный ответ обнаглевшему врагу рабочего класса, все их усилия были напрасны: от масс веяло на них лишь холодом недоверия. Это недоверчивое и враждебное отношение угнетало нас с тех пор, как тяжелый кошмар, в течение всей революции. Оно еще в ноябре посеяло те семена, которые взошли и распустились уродливыми цветами разложения в апреле. Партийный с'езд, собравшийся через несколько недель, должен был констатировать, что самый благоприятный для революционного выступления момент уже прошел. С'езд состоял из тех же делегатов,

которые были выбраны еще весной, при совершенно иной обстановке. Около половины их стояло, повидимому, за применение более или менее революционных мер, другая половина была против этого. Мы, представители центра, изо всех сил старались спасти партию от раскола, и нам действительно это „удалось“. В резолюции, об'единившей обе половины с'езда, не было сказано ни одного определенного слова ни за революцию, ни против нее, но зато в ней снова вполне ясно было выражено наше старое требование самостоятельности классовой борьбы. Кроме того, резолюция содержала в себе ряд платонических требований о реформах по адресу буржуазии и рекомендовала рабочим вооружаться—не для революционного наступления, а для необходимой самообороны.

Необходимость самообороны стала тогда для рабочего класса действительно одним из самых важных вопросов дня. Буржуазия, убедившись в том, что опасность революции на этот раз миновала, стала вполне сознательно готовиться к нападению. Открыто ведя бешеную травлю против социалистов, она втихомолку разрабатывала свои военные планы, ввозила оружие, организовывала и обучала белую гвардию и посылала своих агентов за границу, чтобы и там возможно скорей заручиться поддержкой. Одновременно с этим организовывалась, правда, и красная гвардия рабочих, при непосредственном содействии центральных учреждений

партии; но работа эта шла медленно и велась недостаточно энергично и недостаточно последовательно. Время от времени в некорых местах, как например, в Або, происходили отдельные стихийные революционные вспышки, сопровождавшиеся явлениями анархистского характера.

Парламентская работа не могла теперь принести рабочему классу ничего, кроме вреда. Она означала совершенно бесплодную трату сил, которые теперь целиком должны были быть направлены на подготовку к назревающему революционному конфликту; она заслоняла собой то, что уже виднелось на горизонте, к чему лихорадочно готовилась буржуазия и к чему, не теряя драгоценного времени, должен был готовиться и рабочий класс. В ноябре, когда стране угрожала революция, большинством сейма было принято постановление о том, что одному лишь сейму—а отнюдь не какой нибудь случайно оказавшейся у власти группе—предоставляется право распоряжения силами государства. Это был, хоть и слабый, но вполне определенный шаг к „истинному“ демократизму. В комиссии основных законов мы сделали даже попытку выработать подробный проект и план этого прекрасного государственного здания, мы приняли даже постановление—об'явить художественный конкурс на составление самого красивого национального флага, который должен был украсить собой кровлю величественного государственного здания Финляндии.

И как раз в это время нам из уст Свинхувуда пришлось услышать основной закон капитала, состоявший из одного только параграфа: „Твердая власть для поддержания порядка“!

Такова была ничем не прикрытая, кровожадная конституция буржуазии. В ней, однако, было то достоинство, что она напоминала о действительности, о классовой борьбе и о реальной силе масс, между тем как многие социалдемократы забыли обо всем этом, отдавшись мечтам о демократической конституции, которую они собирались завоевать путем избирательных побед.

II. ВЛАСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИЛЛЮЗИЙ.

Финская социалдемократия во время зимней революции 1918 года не стремилась выйти за пределы системы народного представительства. Напротив того, она хотела усовершенствовать эту систему, сделав ее истинно демократической формой правления. Эту же цель имел в виду и выработанный Советом Народных Депутатов проект конституции, который должен был быть весной подвергнут всенародному голосованию. По этому проекту высшая государственная власть должна была принадлежать выбранному на широкой демократической основе народному представительству; правительство должно было быть простым исполнительным комитетом, действующим под постоянным,

строгим контролем народного представительства; не должно было быть никакого президента, облеченного правом самостоятельной государственной деятельности; праву народной инициативы отводилось самое широкое место, при чем, однако, референдум должен был применяться только для решения вопросов, имеющих непосредственное отношение к конституции; чиновники должны были занимать свои должности лишь втечение определенного срока, все высшие чиновники должны были выбираться народным представительством.

Конечно, и для Совета Народных Депутатов конституция эта не была самоцелью: она должна была служить лишь политической рамкой для осуществления определенных социально-экономических стремлений; она должна была дать возможность создания необходимых предпосылок социализма, открыв широкий путь для проведения реформ, из которых, в конце концов, должно было возникнуть социалистическое общество.

Мысль эта при тотдашних условиях финляндской действительности далеко не казалась утопической. Можно было считать несомненным, что демократическая конституция обеспечит такой состав народного представительства, при котором большинство будет состоять отчасти из социалистов, отчасти из элементов, которые не станут противодействовать проведению реформ, осторожно, шаг за шагом подготовляющих переход к социалистическому

общественному строю. Противники социализма могли расчитывать лишь на роль бессильного меньшинства в этом народном представительстве. Так, по крайней мере, думали мы тогда.

План введения социализма законодательным путем был не так уж нелеп, если принять во внимание тогдашние условия хозяйственной жизни Финляндии. Производственные отношения Финляндии, хотя капитализм в ней народился сравнительно недавно, поддавались, благодаря несложности своей структуры, гораздо легче воздействию извне, чем народное хозяйство многих других стран, дальше ушедших вперед по пути капиталистического развития. Деревообрабатывающая и бумажная промышленность по ценности своего производства занимают преобладающее место во всей капиталистической промышленности страны. Почти все леса (около $^{9}/_{10}$ всей лесной площади) давно уже принадлежат казне. Бумажная промышленность сконцентрирована в немногих руках; конфискация каких нибудь двух десятков наиболее крупных предприятий означала бы фактически конфискацию всей этой отрасли промышленности. Большая часть лесопильных заводов также находится в руках сравнительно небольшого числа крупных акционерных обществ, которые к тому же не пользуются народными симпатиями, особенно среди крестьянского населения. Если бы государство всего на всего конфисковало около 200 предприятий, то оно заняло бы господствующее положение в этих

отраслях промышленности, обеспечив себе тем самым почти неограниченную возможность косвенного влияния и на все остальные области капитализма. Превращение государственного банка в единственный или, по крайней мере, в главнейший торговый и промышленный банк и сосредоточение всей внешней торговли в руках государства, ставшее по условиям военного времени, настоятельным требованием момента, довершили бы преобразование государства в могучий фактор, руководящий всем народным хозяйством страны. Правда, государство само стало бы при этом первым капиталистом страны, но вместе с тем оно перестало бы быть государством капиталистов и буржуазии, органом их классового господства, оно превратилось бы в „народное государство", в котором буржуазия была бы меньшинством, лишенным фактической власти. Власть в этом государстве принадлежала бы рабочему большинству населения, которое постаралось бы, в согласии с своими интересами, направить экономическую деятельность своего правительства по пути преобразования буржуазного государства в социалистическое общество.

Таковы были, повидимому, политические планы Совета Народных Депутатов. Часть его членов была безусловно уверена в том, что большинство демократического народного представительства согласится на конфискацию крупных предприятий деревообрабатывающей и бумажной промышленности в вышеуказан-

ных пределах и на подчинение внешней торговли государственному надзору и руководству; из этих же мер уже само собой вытекало вполне определенное отношение и к вопросу о государственном банке. Что произошло бы, если бы германский империализм не прищел на помощь финляндским капиталистам и борьба рабочего класса закончилась бы победой,—гадать теперь об этом было бы и слишком трудно и совершенно бесполезно. Ясно, во всяком случае, что планы Совета Народных Депутатов, основанные на вере в провиденциальное значение демократического строя, находились в полном противоречии с историческим развитием. Совет Народных Депутатов хотел путем упрочения демократического строя перекинуть мост от капитализма к социализму, он хотел сделать этот строй переходной ступенью между этими двумя стадиями общественного развития; но демократический строй был для этого совершенно непригоден.

Уже во время революции чувствовалось все несоответствие планов Совета тенденций исторического развития. Планы эти, хотя никто открыто не выступал против них, не удовлетворяли ни рабочий класс, ни буржуазию. Это чувствовалось совершенно ясно. Буржуазия не считала целесообразным открыто заявлять о своем несочувствии демократическому строю, а рабочий класс, тот самый рабочий класс, который в 1904, 1905 и 1906 году с таким воодушевлением боролся

за этот строй, теперь относился к нему совершенно равнодушно. Оба враждебные друг другу класса думали теперь лишь о диктатуре: буржуазия стремилась к белой диктатуре, рабочий класс—к красной. Оба класса отлично понимали, что проект, предлагаемый Советом Народных Депутатов, по существу, является компромиссом; но мысль о компромиссе, о половинчатом примирении не удовлетворяла теперь никого. Для каждой из враждующих сторон собственная власть была гораздо более заманчивой целью стремлений, чем так называемая власть народа.

Власть народа, демократия, была краеугольным камнем прежней конституции Финляндии. Эту власть дала нам русская буржуазная революция в марте 1917 года. Власть эта существовала не только на бумаге, не только в параграфах всеми признанного основного закона, нет,—она существовала и в действительности. Правда, это не был вполне совершенный демократический строй, здание его далеко не было так закончено и прекрасно, как то, которое собирался воздвигнуть Совет Народных Депутатов, но более последовательного демократизма вообще никогда не было ни в одной буржуазной республике. Дальнейшее развитие демократического принципа, т. е. иными словами дальнейшее развитие „мирной классовой борьбы" было исторически невозможно.

Сделать этот в высшей степени важный вывод легко теперь, после всего того, что

произошло за истекший год; но тогда, год тому назад, эта истина была далеко не так очевидна. Сравнительная слабость финской буржуазии, слабость, обнаруженная ею в парламентской борьбе, и полное отсутствие у нее какой-бы то ни было военной силы способствовали тому, что мы, социалдемократы, поддались очарованию фатаморганы демократизма и решили стремиться к социализму путем парламентской борьбы и демократизации народного представительства, не сознавая того, что именно этот путь был закрыт для дальнейшего развития исторической действительности; мы надеялись на этом пути избежать соцалистической революции и обойти ту переходную ступень от капитализма к социализму, диктатуру пролетариата, которая является неизбежным этапом исторического развития.

В существовавшем у нас демократическом строе мы видели не только ценное наследие прошлого, но также не менее ценное оружие в предстоящей борьбе за историческое будущее. Правда, строй этот казался нам слишком несовершенным и слабым для создания социализма, и поэтому мы хотели развить и усилить его. В том, что он был слаб, мы нисколько не ошибались, но мы не видели того, чтобы усилить его было невозможно. Слабость была его существенной, основной чертой, всегда отличавшей демократический строй в буржуазном государстве. Вследствие этой слабости он не мог, конечно, служить

опорой и для буржуазии, но еще меньшую пользу он мог принести рабочему классу в его борьбе. Единственным историческим преимуществом демократического строя — преимуществом, одинаково выгодным для обоих противников и поэтому отрицающим само себя,—было то, что он давал возможность сравнительно свободного развития классовой борьбы. При нем классовая борьба может дойти до такой степени напряжения, при которой исход борьбы может быть решен лишь с оружием в руках. С достижением этой точки на пути развития историческая задача демократического строя оказывается выполненной, и ему остается только исчезнуть: он должен исчезнуть, как старая, прогнившая перегородка, стоящая между двумя наступающими друг на друга армиями.

III. КРОВОПРОЛИТНАЯ БОРЬБА ИЗ-ЗА ВОПРОСА О СВЯТОМ ПРИЧАСТИИ.

Когда финская буржуазия в конце января отдала своим белогвардейцам приказ к наступлению, социал-демократы заволновались и стали призывать рабочие массы на защиту демократического строя. В лагере социалдемократии стали раздаваться крики: „Буржуазия хочет уничтожить демократический строй“! „К оружию! Демократическая свобода в опасности“! И действительно, буржуазия хотела раз навсегда стряхнуть с себя бессилие, освобо-

дившись от рамок демократического строя, который хотя и не угрожал ей никакой опасностью, но стеснял свободу ее движений; она хотела установить свое неограниченное классовое господство с полной свободой грабежа или, как тогда выражались, с „твердой властью для поддержания порядка“, иными словами, она хотела превратить Финляндию в республику (или, как выяснилось позже, в монархию) палачей.

Таковы были стремления буржуазии. Социалдемократия ответила на них революцией. Но каков был лозунг, боевой клич этой революции? Власть рабочего класса? Нет, лозунгом движения был все тот же демократический строй, на этот раз такой демократический строй, который не мог быть уничтожен.

Эта позиция, занятая нами по отношению к революции и ее целям, была с социальной точки зрения слишком неясна, а с точки зрения исторической—слишком утопична. Такой демократический строй, который нельзя было бы уничтожить, мог существовать только на бумаге. В обществе, разделенном на классы, такого строя никогда не было и быть не могло. Класс эксплуататоров и при демократическом строе всегда удерживает фактическую власть над народом в своих руках. Если в экономической жизни попрежнему продолжает господствовать система капиталистической эксплуатации, то невозможно ввести в стране такой демократический строй, при котором пролетариат станет господствующим классом и положит топор государственной

власти у корней дерева капитализма. В этом случае самый свободный демократический строй, установленный на бумаге, будет на деле лишь ширмой, прикрывающей и только отчасти ограничивающей власть буржуазии. Если же капиталистическая система народного хозяйства уже настолько расшатана, что власть капитализма может быть свергнута, то демократический строй является такой же неудобной и ненужной ширмой для открытого господства рабочего класса. Истинного же, вполне последовательного демократизма не может быть ни в том, ни в другом случае. В классовом обществе мыслимо лишь два различных состояния, обусловленных соотношением сил враждующих друг с другом классов: состояние господства и угнетения, поддерживаемое силой (военной силой, законами, судами и другими мерами принуждения), при котором борьба угнетенного класса или совсем замирает, уходя в подполье и изредка прорываясь вспышками анархических выступлений, или принимает мирный характер парламентской и профессионально-экономической борьбы,—и затем, переходное состояние между двумя периодами господства, состояние открытой классовой борьбы и революции, при котором вооруженное столкновение должно решить, которому из двух классов должно принадлежать господство и которому из них суждено угнетение.

Когда финская буржуазия вызвала рабочий класс на открытый бой за классовое господ-

ство, перед рабочим классом явилась возможность выбирать одну из двух вполне определенных позиций: или принять бой, выступив на борьбу за завоевание власти, или же сдаться на милость буржуазии, в сознании собственного бессилия или из боязни измены в собственных рядах. Рабочая партия Финляндии не заняла, однако, ни той, ни другой позиции. Правда, она исполнила свой долг, вступив в борьбу с буржуазией, но борьба ее не носила сознательного, революционного характера,— она служила лишь целям самозащиты. В этой борьбе, которая и на словах и на деле была революцией, социалдемократы участвовали с закрытыми глазами, не понимая истинного смысла совершающейся социальной революции: в пылу самых ожесточенных схваток они все еще прдолжали говорить о демократическом строе, о том самом демократическом строе, с которым для них неразрывно была связана мысль об устранении вооруженного революционного столкновения Таким образом, они вышли на путь революции собственно только для того, чтобы избежать революции.

Такое отношение к демократическому строю было весьма существенной, органической ошибкой нашей боевой программы. Теперь, когда мы поняли эту ошибку, мы должны открыто сознаться в ней. Тогда же мы не понимали ее; мы не сознавали того, что, вступив в открытую революционную борьбу, пролетариат отказался от требования демокра-

тизма, выбросив это требование, как ненужный балласт, из своей программы. Еслибы финляндский рабочий класс не принял вызова буржуазии и, без всякого сопротивления, позволил бы издеваться над собой, расстреливать и заковывать себя в цепи, тогда программа демократических гарантий и прав была бы уместна. В тот январский день, когда рабочий класс ринулся в бой с своим от'явленным врагом, рухнула под его могучим напором жалкая перегородка демократизма. Тот, кто и после этого продолжал поддерживать программу демократии, делал исторический шаг назад; таким же шагом назад был и тот „выгодный для рабочего класса" демократический строй, о котором шла речь в проекте Совета Народных Депутатов.

То обстоятельство, что представители какого нибудь класса, участвуя в революции или в другом каком нибудь проявлении классовой борьбы, не сознают истинной цели этой борьбы, отнюдь не означает еще, что они вредят этой борьбе и ведут свой класс к неизбежному поражению. Вообще говоря, поступки их могут нисколько не противоречить интересам их класса, и было бы совершенно несправедливо обвинять их в сознательной или бессознательной измене ему. Сама борьба является историческим фактом, главным моментом, от которого зависит тот или иной исход, и всякий, кто принимает посильное участие в революционной борьбе своего класса, тем самым содействует победе этого класса.

хотя бы голова его была наполнена самыми нелепыми историческими иллюзиями. Финляндская социалдемократия не отказалась от исполнения своего долга и не уклонилась от борьбы; следовательно, она не изменила делу своего класса: она на деле, с оружием в рукак отстаивала программу социалистической революции, хотя на знамени ее и был начертан устарелый, выцветший лозунг демократизма.

В мировой истории революций не раз случалось, что самые передовые борцы революционного класса провозглашали лозунги, совершенно не соответствовавшие истинным, об'ективным историческим целям борьбы. Можно даже сказать, что неясность лозунгов, об'яснявшаяся недостатком социальной сознательности, была обычным правилом в революциях прошлых столетий. Боевые лозунги революций в большинстве случаев были обязаны своим происхождением случайным обстоятельствам и сплошь да рядом представляли собой не что иное, как ходячие словечки самой поверхностной, самой близорукой политики, в которых часто к тому же находил себе выражение нелепый, темный символизм.

Вспомним, например, движение гусситов в Богемии. Движение это в действительности было борьбой за вполне определенные классовые интересы; но еслибы мы захотели судить о нем исключительно по тогдашним боевым лозунгам, то оказалось бы, что этот кровопролитный спор велся из за святого при-

частия, из за вопроса о том, следует ли причащать верующих хлебом и вином или только хлебом. Такого рода „вопросом о святом причастии" была и демократическая программа финской социалдемократии в зимнюю революцию 1917—1918 годов. Программа эта не помешала социалдемократии принять участие в борьбе, хотя сама по себе, как программа, она не принесла революции никакой пользы. Если неопытный мореплаватель направляет свой корабль по неверному курсу, идя по которому, корабль, при отсутствии ветра, совершенно уклонился бы от своей цели, но поднявшийся вдруг шторм, незаметно для него самого, исправляет его ошибку, так что корабль благополучно доходит до места своего назначения, то ясно, что этим благополучным исходом плавания мореплаватель обязан не своему уму и своей находчивости, а неожиданному вмешательству шторма. Мореплаватель исполнил, правда, по мере сил свой долг, но вместе с тем он, дав кораблю ошибочный курс, обнаружил неуменье обращаться с картой и компасом, с помощью которых он должен был направлять корабль по правильному пути.

Для социалдемократической партии, деятельность которой должна основываться на чисто научных принципах марксизма, было, конечно, далеко не похвально, что она водрузила на баррикадах знамя с эмблемой святого причастия. Мало того, этим она повредила борьбе и ослабила боеспособность борющихся

масс. Ясное сознание цели борьбы уже само по себе всегда повышает энергию и увеличивает силы борцов, между тем как отсутствие этого сознания порождает неуверенность в себе, нерешительность и слабость. Это подтвердилось и на примере финляндской революции. Так, не было обращено достаточно внимания на поддержание революционного порядка. Даже в Гельсингфорсе буржуазия пользовалась слишком большой свободой для своих интриг. Обыски и аресты среди буржуазных заговорщиков производились недостаточно энергично. Изобличенные в своих преступлениях контр-революционеры наказывались недостаточно строго. Принцип принудительных работ не был своевременно применен по отношению к праздным представителям буржуазии. Можно с полной уверенностью сказать, что большинство этих проявлений слабости не имело бы места, еслибы мы с самого начала открыто провозгласили целью революции диктатуру рабочего класса. Отсутствие такой ясно выраженной цели движения вносило в нашу деятельность ту опасную половинчатость, которая, с одной стороны, придавала интригующей против нас буржуазии все большую и большую смелость, а с другой—толкала анархистские элементы, примкнувшие к красной гвардии, на самочинные выступления, на всякого рода кровавые эксцессы, грабежи и т. п.; а это отсутствие дисциплины вносило, в свою очередь, смятение и в наши собственные ряды.

Разумеется, не этими обстоятельствами об'ясняется неудачный исход революционной борьбы в Финляндии. Поражение стало неизбежным, как только германское правительство решило взять на себя роль палача. Но если бы не было этого немецкого вмешательства, что произошло бы тогда? Дать на этот вопрос вполне определенный ответ мы не можем, но мы считаем весьма вероятным, что конечный исход борьбы, в этом случае, в очень существенной степени зависел бы от того, в какую форму вылился бы революционный порядок: принял ли бы он характер строгой диктатуры, расчитанной на более или менее продолжительное время, или же в ожидании демократизма превратился бы в господство мягкой гуманности. Иными словами, исход борьбы зависел бы, по крайней мере, отчасти, и от того, какое знамя, с каким девизом и символом развернула бы идущая во главе движения социалдемократия. Судя по всему, вообще, малейший толчок в ту или иную сторону мог бы оказаться решающим для этого исхода.

На тактике и программе Совета Народных Депутатов и финляндской социалдемократии вообще, несомненно, отразилось также желание во что бы то ни стало привлечь на свою сторону близко стоящие к рабочему классу мелкобуржуазные и крестьянские слои населения, боязнь оттолкнуть их от себя требованиями социализма и пролетарской диктатуры и стремление успокоить их и завоевать их

симпатии лозунгами демократизма и гуманности. Это была чисто парламентская, избирательная тактика, совершенно неуместная во время революции; и действительно, революция доказала весь вред и всю ошибочность ее. Неопределенные и пассивные симпатии мелкобуржуазных элементов не оказали и не могли оказать сколько нибудь значительного влияния на ход борьбы. Интенсивность борьбы зависела исключительно от рабочего класса, от его боевого пыла, его мужества, его энергии и его доверия к вождям революции. Между тем, лозунг демократизма мог только охладить боевой пыл рабочих: он вызвал в них разочарование, он не указывал им цели, за достижение которой они с радостью могли бы отдать свою жизнь. Напротив того, ясные лозунги классовой диктатуры и социализма могли бы зажечь огнем сердца рабочих: они показали бы рабочей массе, что революционное движение действительно направлено вперед, к достижению величайшего исторического идеала. И если бы, кроме того, рабочие увидели, что руководящие органы революции преследуют буржуазию со всей той строгостью, которую во время кровавой классовой борьбы необходимо проявлять по отношению к каждому врагу-эксплуататору, вполне заслужившему такое обращение, то это укрепило бы в рядах рабочей армии доверие к товарищам, ставшим во главе движения.

Беззаветное доверие рабочих масс дороже всякого золота для рабочей партии, руково-

дящей классовой борьбой этих масс; и если партия хочет одержать победу, она не должна легкомысленно растрачивать этот драгоценный фонд доверия.

IV. ЛОГИКА БОРЬБЫ.

Пролетарская революция является, прежде всего, величайшей организационной задачей. Необходимо организовать администрацию, которая была бы аппаратом классового господства пролетариата; необходимо сделать пролетарскую армию незыблемой опорой этого господства и орудием победы в классовой борьбе; одновременно с этим необходимо организовать всю экономическую жизнь на основах социализма.

Весьма богатый содержанием опыт, который во всех этих отношениях дала нам финляндская революция, требует особой обработки, которою мы не можем заняться здесь. Здесь мы наметим лишь то направление, в котором, по нашему мнению, основанному на этом опыте, должна производиться организационная работа пролетарской революции.

В организации правительственной власти мы, как показала практика, пошли вполне правильным путем, на который нас, главным образом, толкнул всеобщий бойкот, об'явленный чиновниками. Несмотря на все наши демократические заблуждения, все органы государственного и коммунального управления оказались в руках рабочих, так как прежние

чиновники почти все целиком ушли, не желая работать с нами. В некоторых отдельных отраслях управления незначительная часть служащих осталась на своих местах, впрочем, для того только, чтобы саботировать или оказывать тайные, шпионские услуги белым. Так было, например, на железных дорогах, на почте, телеграфе и телефоне... Было бы, пожалуй, целесообразнее всего и из этих учреждений удалить всех служащих, известных своею приверженностью к буржуазным партиям, хотя эта мера отразилась бы, конечно, на деятельности упомянутых отраслей государственного хозяйства. Несомненно во всяком случае, что в высшей степени опасно присутствие на железных дорогах и на телеграфе во время открытой фронтовой борьбы таких элементов, которые могут каждую минуту изменить рабочей власти; телефоны могут быть особенно широко использованы для военного шпионажа в пользу буржуазии. Лучше всего поэтому во время открытой классовой борьбы вообще ограничить пользование телефоном самым необходимым минимумом, так как организовать вполне совершенный контроль над разговорами было бы невозможно.

В области производства общий бойкот со стороны владельцев предприятий и технического персонала заставил органы революционного движения вступить на путь, желательный для рабочих, принудив их провести социализацию фабрик и заводов в та-

ком спешном порядке и в таком широком об'еме, о котором до того и не думала наша социал-демократия. В первую голову организованные рабочие взяли, конечно, в свои руки казенные и коммунальные промышленные предприятия, а затем были социализированы и другие крупные фабрики и заводы, как, например, бумажные фабрики и деревообрабатывающие заводы, принадлежавшие самому крупному капиталистическому предприятию Финляндии, акционерному обществу „Кюмене". Между прочим, пуск в ход всех этих покинутых капиталистами на произвол судьбы заводов был произведен самими рабочими, не встретившими при этом особых затруднений. Недостаток опытных технических сил, несомненно, с течением времени сказался бы значительно сильнее, чем в начале; однако, и теперь уже опыт с достаточной ясностью показывал, что финский рабочий класс, располагая даже незначительными вспомогательными силами, безусловно был бы в состоянии поставить на ноги все производство страны. Из большинства заводов, пущенных в ход рабочими, скоро стали поступать сведения о том, что работа идет прекрасно, превосходя всякие ожидания.

Не так хорошо обстояло дело с организацией самой борьбы и красной армии: здесь не было проявлено достаточной последовательности и не был устранен целый ряд явных недостатков. Все недочеты этой работы проистекали, главным образом, из

недостатка опыта и технического навыка, но отчасти они об'яснялись также и тем, что на организацию борьбы обращалось слишком мало внимания. Подготовка боевых сил перед отправкой их на фронт, была недостаточно основательной, была поставлена недостаточно целесообразно и производилась недостаточно энергично. Даже арест вожаков буржуазии не был заранее подготовлен, и даже во время гражданской войны он производился без всякой системы. Красная армия сначала составлялась исключительно из добровольно поступавших в нее организованных рабочих; затем были допущены в нее и неорганизованные рабочие, а в некоторых местах страны вступление в красную армию было сделано для них даже обязательным; в других местах была проведена всеобщая мобилизация, и даже представители буржуазии с оружием в руках были отправлены на фронт. Несомненно, было бы гораздо целесообразнее с самого начала приступить к мобилизации пролетариата, призвав в армию всех способных к ношению оружия рабочих или же определенные возрастные категории их. Далее, не следовало давать солдатам такое большое жалованье: это жалование превышало средние ставки заработной платы. (Следовало также отложить организацию общественных работ до тех пор, пока ряды армии не оказались бы достаточно пополненными). Продовольствие красной армии в общем было поставлено

удовлетворительно, чувствовался только большой недостаток обуви и некоторый недостаток обмундирования. Транспорт, хранение и своевременная доставка оружия и других предметов военного снаряжения были, особенно вначале, очень плохо организованы, да и впоследствии удовлетворительно решить эту задачу нам так и не удалось. Но самыми крупными недочетами страдала, пожалуй, постановка разведочной службы. Организация разведочных отрядов в тылу фронта была очевидной ошибкой: деятельность этих отрядов могла служить лишь помехой и угрозой военным операциям. То обстоятельство, что фронт остался без всякой разведки, которая могла бы удовлетворить хоть самым скромным требованиям, находилось в очевидной связи с главным недостатком нашей красной армии: у нас не было способных, надежных, прошедших хорошую школу командиров. Обученных кадров командного состава в Финляндии вообще не было, так как у нас давно уже не было собственной армии; в рабочей среде было лишь незначительное число бывших унтер-офицеров. Даже поверхностная подготовка офицеров до революции дала бы нам, несомненно, большое преимущество в этой борьбе; но подготовка эта в свое время не была организована, и даже во время революции на этот вопрос не обращалось должного внимания. Зачастую все зависело от случайности, от того, кто окажется на том или ином

командном посту. Правда, были у нас и цельные люди, было много прекрасных работников, которые в течение короткого времени, приобретя некоторый опыт, вполне осваивались со своей задачей и создавали из своих отрядов образцовые организации. Вместе с тем, попадали, однако, на командные посты и в штабы и негодные элементы, не стоявшие на высоте своей задачи; надо сознаться, что предателей среди них, вообще говоря, не оказалось, но зато было более, чем достаточно, пустых болтунов, совершенно неспособных ни к какой ответственной организаторской работе, хотя они и выдвинулись, разумеется, случайно, во время революции. Если бы известные, опытные деятели нашего рабочего движения не уклонялись от чисто военной работы, как это бывало очень часто, а приняли самое широкое и энергичное участие в организации красной армии и в руководстве военными операциями, то не может быть сомнения в том, что они сумели бы внести больше стройности и согласованности в действия наших отрядов. Кроме того, если бы они стояли во главе революционной армии, то не могла бы получить такого развития провокаторская агитация наемных агентов буржуазии, сеявших в наших рядах недоверие к нашим военным вождям. Эта агитация во время открытой классовой войны оказывается самым коварным и опасным оружием в руках буржуазии, и чем больше среди командного состава людей с неизвест-

ным прошлым, неожиданно выдвинувшихся во время самой революции, тем легче внушить массам подозрение в том, что виной всех неуспехов является предательство вождей.

Общее руководство нашей классовой борьбой дает также, вне всякого сомнения, не мало поводов для критики. То обстоятельство, что наши первые шаги не были достаточно энергичны и решительны, об'яснялось, прежде всего, если не исключительно, отсутствием оружия. Когда же оружие было получено, у нас не оказалось достаточного числа подготовленных солдат; те несколько недель, которые были в нашем распоряжении, не были нами, как следует, использованы для формирования и обучения новых отрядов, так как мы тогда не думали, что война затянется на несколько месяцев. Не было достигнуто рациональное разделение труда между отдельными отрядами. Наши войска сражались все время, не имея почти никаких резервов; поэтому они скоро утомились и оказались в опасном положении. Наш фронт обыкновенно очень стойко выдерживал атаки врага, но сами мы, вследствие отсутствия резервов и специальных ударных отрядов, были не в состоянии предпринимать сколько нибудь энергичные контр-атаки. Когда мы повели было наступление на северном фронте, то через некоторое время у нас к северу от Таммерфорса, образовался большой, опасный выступ фронта, который на обоих флангах

оказался почти совершенно незащищенным. Этот выступ потребовал для своей защиты в пять-шесть раз больше сил, чем понадобилось бы для обороны ровного, стойкого фронта, расположенного к северу от Таммерфорса. Последствия этой тактической ошибки не замедлили сказаться. Фланговая атака белых вызвала в утомленных частях войск, защищавших выдвинутую вперед часть фронта, всеобщее смятение, результатом которого было такое беспорядочное отступление, что врагу, без всякого труда, удалось окружить Таммерфорс и отбросить фронт на юг от города.

Настроение наших войск стало еще более подавленным, когда распространилось известие о том, что германское правительство обещало помощь финской буржуазии и послало уже на Аландские острова свои военные суда, под прикрытием которых должна была производиться доставка оружия и высадка вспомогательных войск. На Аландских островах была подготовлена затем также высадка отрядов немецкой и финской белой гвардии в Гангэ, в непосредственном тылу нашей армии. Русские офицеры со своей стороны употребили все старания к тому, чтобы этим десантным операциям не было оказано сопротивления ни на Аландских островах, ни с береговых укреплений в Гангэ; береговая оборона Финляндии попрежнему продолжала находиться в руках русских войск, которые и не думали о передаче крепостей финским революционерам. Десант, превосходивший

численностью наши силы, угрожал непосредственной опасностью Гельсингфорсу и делал всякую мысль о дальнейшей обороне всей югозападной Финляндии совершенно безнадежной. Поэтому мы немедленно приступили к очищению югозападной Финляндии, собираясь отойти на восток, приблизительно на линию реки Кюмене. Но принудить к отступлению те части войск, которые еще не подверглись нападению врага, оказалось почти невозможно. Между тем как наш отход происходил поэтому с задержками и колебаниями, враг двинул большие наступательные силы в восточную Финляндию, чтобы отрезать нам отступление к России. Отразить натиск этих международных белогвардейских отрядов с теми силами, которыми мы располагали тогда, во второй половине апреля, было совершенно невозможно. Когда наш фронт в Карелии был прорван, бо́льшая часть нашей красной армии оказалась окруженной, и из всей нашей революционной армии только отряду в 4.000—5.000 человек удалось пробиться в Россию.

Финская буржуазия сначала обратилась с просьбой о помощи к шведскому правительству. Оружие и военный материал она все время получала из Швеции, но добиться соглашения с шведским правительством об активном военном вмешательстве ей почему то так и не удалось. Швеция попыталась только во время революции завладеть Аландскими островами, принадлежащими Финляндии; а когда поражение красной армии стало оче-

видным, и белым осталось выполнить только работу палача, шведы послали в Таммерфорс свою „черную бригаду“, чтобы и самим напиться всласть рабочей крови. И этот факт не помешал, однако, шведским правительственным социалистам остаться верными приспешниками буржуазных партий. Еше до прибытия черной бригады, к нам, в Гельсингфорс, явилась полуофициальная делегация шведских правительственных социалистов, от имени которых секретарь партии Мёллер заявил нам, что победа финской революции может принести большой вред всей международной демократии. Международные социал-предатели боялись нашей революции, боялись того, что в пламени разгоревшегося революционного костра погибнут те дворцы, в которых они так удобно устроились вместе с представителями буржуазии. Теперь, окидывая мысленным взором все происшедшее, мы сами, пожалуй, склонны думать, что победа нашей революции с ее демократической программой, могла повредить рабочим других стран, внеся, на время, по крайней мере, путаницу в их понятии о великих задачах пролетарской революции.

Победа на этот раз была одержана капитализмом. Германский империализм внял слезным мольбам финской буржуазии и согласился задушить юную независимость страны, только что дарованную ей по просьбе финских социалдемократов Российской Федеративной Советской Республикой. Финская бур-

жуазия ни на минуту не испытала угрызений национальной совести, открыто предпочтя иго чужеземного империализма превращению страны в свободное отечество трудящегося народа; боясь лишиться своего классового господства, буржуазия предала весь народ в руки вооруженных немецких разбойников, сама мечтая лишь о скромной роли надсмотрщика над рабами.

Эта роль была ей великодушно предоставлена, в руки ей была дана плеть, и никогда еще ни один палач не истязал своей жертвы с таким зверским наслаждением и с такой яростью, с какой вот уже шесть месяцев расправляется с обращенным в рабство финским народом надсмотрщик Свинхувуд. Мстительность финской буржуазии за это время потребовала уже больше жертв, чем продолжавшаяся три месяца открытая гражданская война. Опирающиеся на белую гвардию властители современной Финляндии своим террором, своими систематическими массовыми расстрелами наших товарищей как будто стараются с потрясающей яркостью показать рабочим всех стран, какая вакханалия мести ожидает и их, если они, завоевав власть, не зажмут буржуазию в железные тиски своей диктатуры, если они, вместо того, проявят к своим классовым врагам, находящимся в тюрьме или на свободе, сантиментально гуманное отношение, подобно нашему революционному правительству в Финляндии. Кроме массовых расстрелов, буржуазия с самого же начала

стала применять еще одно средство террора: она начала систематически морить голодом заключенных в тюрьмах. Этот род мести, по-видимому, доставляет наибольшее наслаждение богобоязненным представителям акционерного капитала: мысль о том, что рабочий, недавно еще с гордостью чувствовавший себя производителем и обладателем всех богатств, теперь в стенах тюрьмы корчится в судорогах голода и, посинев, испускает последний вздох,—способствует пищеварению изящного владельца акций, возбуждает его аппетит и наполняет его приятным сознанием своей сверхчеловеческой власти... Это сознание власти до того опьяняет его, что он почти совершенно забывает о том, что ему ведь нужна еще живая рабочая сила... и он пробуждается от своего приятного опьянения (как бар. Линдер) только тогда, когда вдруг замечает, что его имения и заводы остались без рабочих рук. Тогда он сантиментально восклицает: „Ах, это слишком жестоко!“ и призывает Свинхувуда и прочих палачей к более умеренному проявлению мести.

Устройство капиталистического рая в Финляндии было, таким образом, почти закончено. Не доставало еще только золотой короны, но и корона, с фабричным клеймом „сделано в Германии“, была уже заказана, по совету главного мастера Вильгельма, в одном из отделений фирмы Гогенцоллернов, в Гессене.

Финляндское рабочее движение прошлой весной было разбито на голову, и никогда

уже не возникнуть ему снова в его прежней форме. Притупившийся топор был брошен для переплавки в горн истории, и теперь мы видим, что из него образовалась чистая сталь коммунизма. В огне истории металл очистился от ржавчины и шлаков и у нас, в Финляндии, и в России. В Финляндии на политической сцене появилась группа социалдемократических предателей во главе с бывшим сенатором Таннером; группа эта, к удовольствию „прогрессивной“ буржуазной публики, с крайним бесстыдством и в неприкрытой наготе выставляет на показ свои подержанные добродетели. На Архангельской ярмарке „товарищ“ Токой вместе с актером А. Орьятсало и еще несколькими гастролерами разыгрывает слезливые фарсы, стараясь удержать сбитый с толку финский легион в повиновении английскому империализму. Мы отделились, наконец, от неисправимых социалдемократов и от бюрократов старого профессионального движения, которые и в России все еще ничему не научились,—созвав свою собственную конференцию в Москве, в конце августа прошлого года. На этой конференции была основана Финляндская Рабочая Партия, в основу деятельности которой были положены следующие директивы:

1) Рабочий класс должен энергично готовиться к вооруженной революции; он ни в коем случае не должен делать попыток возврата к прежней парламентской, профессиональной и кооперативной борьбе, на почве

которой стояли рабочие организации Финляндии до революции.

2) Только такое рабочее движение и такая партийная деятельность, которые способствуют распространению идей коммунизма и подготовляют победу грядущей социалистической революции,—заслуживают нашего признания и энергичной поддержки. Всякая другая, основанная на других принципах деятельность среди рабочих должна встречать самое решительное осуждение и противодействие с нашей стороны, при чем мы должны всячески разоблачать ее лживость и вред для рабочего класса.

3) Рабочий класс должен посредством революци взять всю власть в свои руки и установить железную диктатуру пролетариата. Следовательно, он должен стремиться к уничтожению буржуазного государства, ни в коем случае не ставя себе целью введение буржуазно-демократического строя ни до революции, ни посредством ее.

4) Диктатура пролетариата должна быть использована для того, чтобы путем конфискации всей земли и всей капиталистической собственности создать коммунистический общественный строй; рабочий класс должен самостоятельно организовать все производство и распределение благ;—поэтому, заслуживают осуждения всякие попытки наложения заплат на систему капиталистической эксплуатации, имеющие своей целью сделать недостатки этой системы несколько менее чувствительными для рабочего класса.

5) Необходимо всеми силами содействовать наступлению и победе мировой революции, а также оказывать всемерную поддержку Социалистической Советской Республике русского пролетариата.

Всему этому научил нас тяжкий опыт борьбы и пример русского пролетариата.

Мы теперь пришли к тому убеждению, что марксистская тактика состоит в правильной оценке текущего исторического момента и в стремлении пройти как можно дальше по пути, указываемому этой оценкой. Всякая попытка вызвать революцию тогда, когда для этого нет на-лицо исторических предпосылок, противоречит марксистской тактике. В эту ошибку особенно часто впадали эмигранты после неудавшихся революций, с закрытыми глазами назначая день для начала революции в такие моменты, когда история не давала ни малейшей точки опоры для революционного выступления. Маркс самым беспощадным образом бичует в своих статьях этих импровизаторов революции и революционных болтунов. Но в революционный период истории, когда каждую минуту можно ожидать взрыва революции, когда в воздухе чувствуется приближение революционной грозы—именно такой период мы переживаем сейчас—было бы с марксистской точки зрения непростительной ошибкой стараться задержать наступление революции или же, не думая о ее приближении, сидеть спокойно сложа руки. В такие моменты рабочее движение должно стремиться

только к революции, серьезно подготовляясь к ней и не пытаясь уклониться с этого пути под предлогом других забот.

В соответствии с этим и мы теперь должны работать в Финляндии, в России и вообще всюду, где наши нетронутые, живые силы могут быть полезны делу мировой революции. В России мы ставим ближайшей и самой важной задачей нашей партии формирование финляндских отрядов красной армии. Наши товарищи уже энергично приступили к осуществлению этой задачи.

В открытом письме, с которым наш партийный с'езд обратился к товарищу Ленину, говорилось, между прочим, следующее: „Коммунисты Финляндии с радостью бросаются в бой. Они тоже хотят принять участие в завоевании цитадели капитализма и в срытии ее с лица земли. Финские коммунисты не хотят оставаться в тылу в то время, как пролетарии всех других стран идут широким строем на завоевание всего мира".

О. В. Куусинен.

Октябрь, 1918 года.

(Приложение).

ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ФИНЛЯНДИИ.

На конференции Финляндской Коммунистической Партии, состоявшейся в январе 1919 г. в Петрограде с участием представителей из Финляндии, были приняты следующие тезисы о ближайших основных задачах социалистической революции в Финляндии:

1) Власть класса эксплуататоров должна быть сломлена для того, чтобы был положен конец эксплуатации человека человеком.

Поэтому боевая сила буржуазии должна быть уничтожена, и класс собственников должен быть обезоружен.

Должна быть организована красная армия пролетариата, которая обеспечит рабочему классу победу в революционной борьбе и встанет на стражу завоеваний революции, для того, чтобы эксплуататоры не могли снова захватить власть.

2) Пролетариат должен взять в свои руки всю государственную власть.

Весь аппарат буржуазного классового государства должен быть разрушен и заменен организацией полного господства пролетариата. Буржуазная бюрократия должна уступить место самоуправлению пролетариата, буржуазный парламент и буржуазное обще-

ственное самоуправление должны уступить место органам, избранным пролетарской массой; пролетариат должен принять непосредственное участие в административной деятельности и в создании социалистического строя. Вместо буржуазной демократии, обеспечивающей свободу угнетателям пролетариата, должна быть установлена свободная, организованная демократия пролетариата.

Такой организацией власти пролетариата должна быть социалистическая советская республика всех рабочих, солдат красной армии и трудящегося угнетенного населения деревень.

3) Посредством своей организации власти пролетариат должен принудить класс эксплуататоров к безусловному подчинению революционной дисциплине и к отбыванию всеобщей трудовой повинности. Частная собственность богачей должна быть немедленно же экспроприирована, и существованию частной собственности на средства производства должен быть положен конец.

4) Капиталистические промышленные предприятия и другие производственные учреждения, дававшие капиталистам возможность без всякого труда присваивать себе плоды труда пролетариата, должны быть превращены в производственные учреждения социалистической трудовой коммуны.

Управление каждым большим производственным предприятием должно перейти в руки трудового товарищества всех рабочих или трудовой коммуны, с участием представителей цен-

тральных органов советской власти; управление это должно быть организовано на началах централизации и экономической планомерности.

5) Никоим образом не должен быть допускаем переход земли из рук обрабатывающих его тружеников в руки спекулянтов или эксплуататоров, каким бы путем этот переход ни совершался: под видом ли продажи, закладa или какой либо другой сделки; земля, принадлежащая праздным лентяям, не обрабатывающим ее своею силой и обогащающимся чужим трудом, должна быть отнята у этих собственников, об'явлена общим достоянием всего народа и передана трудящимся, которые в действительности обрабатывают ее.

Сельско-хозяйственные рабочие должны об'единиться в трудовые товарищества, которые возьмут на себя ведение хозяйства в больших имениях. Для такого рода хозяйств, по почину советской власти, должно быть организовано центральное управление, которое заботилось бы об обеспечении их необходимыми сельско-хозяйственными машинами и опытными руководителями.

6) Для того, чтобы окончательно сломить господство капитала, советская власть должна немедленно же взять все банки в свои руки.

7) Торговые заведения со всеми их запасами должны быть экспроприированы, и распределение продуктов должно быть организовано самим обществом.

8) Дома и квартиры богатых граждан со всей обстановкой должны быть, без всякого

промедления, экспроприированы для удовлетворения потребностей нуждающегося рабочего населения.

9) Рабочие советы должны быть и законодательными и исполнительными органами революции. Они должны быть избираемы так, чтобы состав их действительно отвечал воле трудящихся слоев народа. Право голоса должно принадлежать рабочим, солдатам красной армии и сельскому пролетариату; враги рабочего класса и эксплуататоры должны быть лишены избирательного права.

10) Общий с'езд всех рабочих советов страны, который собирается так часто, как того потребует необходимость, является носителем высшей власти во всех делах, касающихся страны. Он выбирает исполнительный комитет советской республики, которому предоставляется право назначать и увольнять народных комиссаров.

11) Избиратели должны иметь право во всякое время отозвать избранного ими представителя, который почему либо лишился их доверия.

12) Финляндская Социалистическая Советская Республика должна вступить в союз с пролетарскими советскими республиками других стран. Все советские республики должны образовать один общий международный всемирный союз.

Николаевская № 6875

THE

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Выходит ежемесячно на русском, французском, немецком и английском языках, под редакцией Г. ЗИНОВЬЕВА.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА: Петр., Смольный, комн. № 3[illegible]. Тел. 161-20.
РЕДАКЦИЯ: Петроград, Смольный, каб. Г. Зиновьева.

Издания „КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА“

(Москва, дом III Интернационала, Денежный пер. [illegible]. Тел. 14-41.
Петроград, Смольный, комн. [illegible]. Тел. 161-20).

1. М. Альберт и Н. Бухарин. Платформа Коммунистич. Интернационала (нем.*).
2. Н. Ленин. Тезисы о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре (нем.).
3. Ф. Платтен и Г. Зиновьев. Отношение к социалистическим течениям и к Бернской конференции (нем.).
4. Оболенский (Осинский). Международное положение и политика Согласия (нем.).
5. Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира (нем., русс.).
6. Программа Р. К. П. (большевиков) (франц., нем.)
7. Да здравствует 1 мая. Да здравствует Коммунизм.

Воззвание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала к трудящимся всего мира (франц., нем., англ.).
[illegible] Версальский мир.
Воззвание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала [illegible] (франц., нем., англ.).
Чичерин. К немецким рабочим (Версальский мир) (русс., нем.).
Основание Коммунистического Интернационала (Из протоколов I-го съезда Коммунистического Интернационала).

11. Н. Ленин. О [illegible] середняке.
12. Ф. М[illegible]. Почему я стал на сторону социальной революции (нем.).
22. Г. Зиновьев. Коммунистич. Интернационал (русс., нем.).
23. А. Гильбо. Социалистическое и синдикалистское движение во Франции в течение войны 1914-1919 г.г. (франц.).
24. Г. Зиновьев. Очерк жизни и деятельности Н. Ленина (франц., нем.).
25. Катан. Террор буржуазии в Финляндии (франц.).
26. Советская Россия и народы мира (нем., франц.).
27. Л. Троцкий и Г. Зиновьев. Речи о Карле Либкнехте и Розе Люксембург (нем., франц.).
28. Коммунист. Строительство Советской России и позорная война (франц., англ.).
29. Коммунист. Новая война — новое преступление (франц., англ.).
30. Коммунист. Нашим английским братьям (англ.).
31. Морякам английского и французского флота. Воззвание моряков Балтийского флота (франц. и англ.).
32. Э. Зильвия Панкхерст. Великий заговор против немецкого и русского пролетариата.

*) На [illegible] языках указанных на [illegible] выпущена брошюра.

Цена 5 рублей